

Дорогие родные, друзья и коллеги! Я посылаю Вам короткие впечатления о своей лингвистической экспедиции на северо-востоке Сибири, в тундре в Республике Саха.

Якутск

Низкое солнце, которое светит недолго но часто, делает контуры мягкими, чистый снег глушит шум города. Просторные улицы, по которым женщины в своих длинных, широко качающихся шубах беззвучно и с быстрыми шажками двигаются. На тротуарах верхний уровень образуют красивейшие шапки на будто бы сверхтяжелых головах. По снежному ас-фальту постоянно ходят маленькие автобусы, машины ездят без труда по скользким дорогам. Среди многих современных зданий кое-где находятся еще деревянные дома. В магазинах, часто как таковые неузнаваемых, выбор ограниченный; уже проникли филиалы запад-ных цепей. На улице температура колеблется между -20 и -30, внутри отопление работает интенсивно.

В Арктическом институте обо мне заботится Лариса. Для полевой работы в Черском и Андрюшкино, находящихся в пограничной зоне, нужен пропуск. Цель экспедиции -

записать на аудио/видео рассказы, песни и фрагменты речи для фонетических исследований над тундрным юкагирским (ТЮ), изолированным палео-азиатским языком под угрозой исчезновения. Аня, лаборантка в Институте малочисленных народов севера, поедет со мной. Она из Андрюшкино, мама у нее была ТЮ. Гаврил Курилов, ТЮ профессор в том же институте, дает нам список хороших дикторов. Аня везет родным тяжелые сумки с вещами, я - в длинной шубе коллеги - везу аппаратуру. После семи

часов в неясности (мол, в Черском еще не чистили полосу, нет керосины, но два очевидно авторитетных, выпивших мужчины звонят туда с успехом), мы садимся в винтовой самолет, в который нам самим пришлось поднять багаж. Билетов я достала у директора авиакомпании. Она обещала отложить транзитный рейс в Андрюшкино, а то мы бы пропустили его. Закутавшись в пальто, высоко над снежными горами, мы дрожим в течение 4,5 часа, в северо-восточный Черский. Разница во времени - два часа.

Черский и Андрюшкино

Милиция вылавливает меня еще в самолете. Просят паспорт и пропуск. В вздеходе мы едем на регистрацию и потом симпатичный солдат везет меня обратно в гостиницу на втором этаже высотного здания. Я там потом спала под всеми найденными одеялами и шубой. Но сначала мы с тетей Настей скользим по тихим улицам Черского с его 3000 жителями (Аня в ужасе от исчезновения почти всех деревянных домов, оптимализация называется). Мы идем к тете Лидии, которая кормит нас макаронами и олениной. Но городок меня пока мало интересует. Надо мной происходит потрясающий спектакль: северное сияние, совсем белое, но также в других цветах радуги. В самых разных формах линии двигаются по горизонтали или расходятся веером, то вдруг образуют круг надо мной. Куда только ни смотришь - небо полно полосами света. Я прыгаю как ребенок и кричу: смотри-ка, смотри-ка!

На следующее утро, в девять часов, мы должны выпить водку за День милиции: один из гостей в гостинице сидит прямо в форме и принимает поздравления. Мы только символически трогаем рюмочку, машина в аэро-дромик уже ждет нас. Действительно, полет в Андрюшкино отложили на сегодня. Целыми часами занимают вопрос сколько можно с

собой взять, а Аня организует все по-своему. Опять сами погрузили вещи в самолетик. На борту десять пассажиров, сидящих по бокам на складных стуликах. Единственная инструкция летчика: «не вставать!», и одномоторный бипланик поднимается. В течение 100 минут, над бесчисленными речками и озерами, мы дрожим на запад в Андриюшкино. Там прямо нападают на самолетик. Ждут нас сани, перед ними бураны или собаки. Кричащее-красное солнце исчезает за горизонт. Три часа. Анин брат Федор везет нас в пустую квартиру

(тетя уехала, ее родители уже умерли, рано здесь умирают), тетя Настя уже ждет нас с макаронами и олениной. Федор трогательно прощается с Аней, он с приятелем уезжает на север, на рыболовство до нового года (нет нет, белые медведи в 100 км дальше на север). В двухэтажных, деревянных домах живет

около 800 человек. Есть больница, администрация, детский сад, начальная и средняя школа, музеи, булочная. В магазинчиках, в частных квартирах, продают почти ничто за бешеные цены: все в три до пяти раз дороже, чем в Якутске. Единственный звук - лай собак, живущих на воздухе, и бураны. На улице везде лодки под сугробами. Вокруг распространяется начинающаяся тундра, но есть еще

деревья. С приклеенным к ним толстым слоем снега на фоне оранжево-розового солнца, это удивительно красивое зрелище. Солнце восходит и заходит в

раме окна нашей кухни, всегда вокруг него гало. Федор оставляет нам огромных, замороженных

рыб, Вовка приносит замороженную ногу оленя и рубит ее на куски. На будущие десять дней это составляет нашу

трехразовую ежедневную еду, в твердом виде с макаронами, или как суп. Рыбу режут на тонкие как стружки полоски и едят ее сразу, замороженную, с солью и перцем: это строганина. Печенку, сердце и почки оленей ешь таким же образом, сырыми и замороженными. Чай, целый день чай. Еда всегда на столе для всех кто заходит. Без приветствий, сразу начинаешь рассказывать, кушать и пить, и уходишь.

Мы с Аней прекрасно понимаем друг друга. Она меня ведет ко всем и организует встречи с дикторами и школами. Пассивное знание родного

языка достаточно хорошо у ТЮ-детей (если вообще можно говорить о ТЮ-детях, их кровь настолько смешана с другими малочисленными народностями эвэн, чукчи и якут, что чистой ТЮ-крови почти уже не существует). Перевод с русского на ТЮ им трудно. Я очень тронута малышами, которые в народных костюмах с бусинки-украшениями в волосах читают урок. Учебных материалов практически нету, денег тоже нет, учителя делают все

своими руками. Их усилия и энтузиазм вызывают глубокое уважение. Кстати, дальше все обучение ведется на русском языке. Дома не говорят на ТЮ, даже если родители «чистые» ТЮ. Мы

сами виноваты, говорит директор начальной школы на вечере с ТЮ женщинами у нее дома, мы должны были бы понять, что ТЮ исчезнет, если мы не заботимся о восстановлении его. Я их прошу по очереди петь мне песню, они стесняются, но когда я сама пою голландскую песню, они отказаться уже не могут и их мрачное настроение проходит. У

старушек дома или в своей комнате у Ани я записываю речь, песни, импровизации.

Иногда приходится снять страх перед аппаратурой, быть терпеливой, найти другой подход, снова стараться. И тогда, даже когда носители языка говорят, что ничего не помнят, они вдруг рассказывают кое-что, иногда многое. У молодых ТЮ я только записываю спонтанную речь и песни, легенд они не знают, когда они были маленькими, родители им не рассказывали. Слава богу, что до меня другие записывали много материалов, я бы опоздала.

Тепло одетые мы едем на буране к бабушке Анне Егоровне. Уже темно, и низкие кусты, освещенные лампой

бурана, выглядят как белые олени рога. С некоторыми родственниками Анна живет на озере в деревянном домике. Чугунная печка, на которой бурчит олений супчик, топит хорошо. Она поет воспоминания о муже, о сестре, кончающиеся тихим рыданием. Потом, в веселом настроении, она поет одну песню за другой. Перед прощанием, мы сидим уже на санях, она опускает шарф перед моим лицом, целует меня прямо в рот, и снова все поправляет.

В воскресенье мы идем на кладбище для ритуала: проводим духи отца и сына. Отец умер летом, сын утонул попозже когда он ловил рыбу. По очереди мы кормим огонь, опускаем в него хлеб, мясо, рыбу, чай и водку, и греемся у него. Духи проводят на

миниатюрных санях за двумя оленями. Оленей убивают и потом мы должны бить их с палкой о брюхо, и когда они трясутся - это хороший знак. Внутренности и кости оленей остаются в ящике на деревянной конструкции и, мясо разделяют среди присутствующих.

Между тем постоянно едят и пьют. На отдельном костре жгут одежду и вещи двух мужчин. Когда мы возвращаемся через несколько часов при прекрасном закате, не разрешается оглянуться.

Второе стадо находится только в двух часах от деревни. Как кукла я лежу на диване и две женщины одевают меня. Поверх нормальной одежды (длинное термо-белье, три термосвитера, брюки) - штаны с шерстяной ватой, над ними еще штаны из оленьей кожи, унты, свитер, пальто с ватой, непромокаемая накидка с капюшоном, огромная шапка, двое пар рукавиц - шерстяных и сверху из оленьей кожи. Они поднимают меня и я могу только шататься. Аню одевают в Тю костюм, она такая красивая в широкой, белой шубе с украшениями, под которой передник с колокольчиками. Во всю скорость мы едем в тундру и Христофор следит за тем, чтобы я не упала с саней. Вокруг слабые холмы и бесконечная, голая, белая равнина, под бледным солнцем. А вдруг черные

точечки: олени. Мы ищем и находим большую ярангу оленеводов, которые кочуют каждые две недели. У печки обмениваемся новостями и нам подают

сырые сердце и печенку, суп, рыбу, макароны, чай, и спирт с водой в чашке. В яранге дети играют в крест-накрест, женщины следят за огнем, едой и одеждой, мужчины сначала отдыхают, потом они с собаками подгоняют оленей к яранге. На фоне розового

горизонта, тысяча с небольшим оленей идут через невысокий холм, впереди вождь с колокольчиком. Когда дети их

гоняют, они с глухим, низким шумом бросаются во все стороны. Затаив дыхание я смотрю и слушаю этот уникальный спектакль, неужели я нахожусь посреди всего этого? Накидают аркан на белого и темного оленей, запрягают их в сани, сажают меня на сани, и с хлыстиком в руках я гоняю их по тундре. Но долго мы не можем быть на воздухе, поднимающийся ветер обжигает нас. Красивые олени садятся около яранги. Красное солнце со своим гало заходит за холм, нам пора вернуться.

После десяти дней в Адрюшкино, из страха застрять, мы решили лететь в Черский неожиданным полетом, хотя работа еще не готова. Складные стульчики еле доступны, стоять нельзя, нам приходится садиться где можно, среди больших замороженных кусков мяса и рыбы, отопление не включают, мы сами становимся замороженными кусками мяса. В Черском я живу у двух женщин, чукчи и Тю, которые раньше долго кочевали. Здесь я нашла еще несколько хороших дикторов, посетила музеи, экскурсии вели замечательные эксперты.

В Якутске Юрий Шейкин, музыковед и мой хозяин, и Лариса тепло принимают нас. Юрий поздравляет меня с экспедицией, он знает что это такое, и я признаюсь, всего-навсего было иногда тяжело. Еще несколько встреч с журналистами и лингвистами, культурных увлечений и веселых вечеров, и я вернусь домой, в день Святого Николая. Будьте все здоровы и веселы!